

Михаил Кузмин

Подвиги Великого Александра

Михаил Алексеевич Кузмин

Подвиги Великого Александра

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311452

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Жизнь и судьба одного из замечательнейших полководцев и государственных деятелей древности служила сюжетом многих повествований. На славянской почве существовала «Александрия» – переведенный в XIII в. с греческого роман о жизни и подвигах Александра. Биографическая канва дополняется многочисленными легендарными и фантастическими деталями, начиная от самого рождения Александра. Большое место, например, занимает описание неведомых земель, открываемых Александром, с их фантастическими обитателями. Отзвуки этих легенд находим и в повествовании Кузмина. Впрочем, один из лучших знатоков творчества Кузмина, Г. Шмаков, пишет: «Его „Подвиги Александра“, которыми зачитывался Кафка, ничего не имеют общего с Псевдо-Калисфеном или любым вариантом народной книги о Александре Македонском, а восходят к традициям французской прозы – Флобера в „Салаambo“ и „постсимволистов“. Мысль о власти рока и о тщете земных усилий сквозит в этом романе, как и во многих других произведениях Кузмина».

Содержание

Книга первая	6
Вступление	6
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Книга вторая	27
Глава первая	27
Глава вторая	30
Глава третья	33
Глава четвертая	39
Глава пятая	43
Книга третья	46
Глава первая	46
Глава вторая	51
Глава третья	54
Глава четвертая	57
Книга четвертая	63
Глава первая	63
Глава вторая	68
Глава третья	72

Михаил Кузмин

Подвиги Великого Александра

Валерию Брюсову

ПОСВЯЩЕНИЕ

Акростих

Валы стремят свой яростный прибой,
А скалы все стоят неколебимо,
Летит орел, прицелов жалких мимо, —
Едва ли кто ему прикажет: «Стой!»

Разящий меч готов на грозный бой
И зов трубы звучит неутомимо.
Ютась в тени, шипит непримиримо
Бессильный хор врагов, презрен тобой.

Ретивый конь взрывает прах копытом.
Юродствуй, раб, позоря Букефала!

Следи, казнясь, за подвигом открытым!

О лет царя, как яро прозвучала

В годах, веках труба немолчной славы!

У ног враги, безгласны и безглавы.

Книга первая

Вступление

§ 1. Вступление

Некоторых к прославлению подвигет добродетель излюбленных ими героев, других – славные воинские подвиги, третьих – мудрость, четвертых, наконец, – чудесные события и знамения, но, перебрав все имена прошлых и более близких к нам веков, никого не найти, где бы все эти достоинства так удивительно сочетались, кроме Великого Александра. Я сознаю всю трудность писать об этом после ряда имен, начиная от приснопамятного Каллисфена, Юлия Валерия, Викентия из Бовэ, Гуалтерия де Кастильоне, вплоть до немца Лампрехта, Александра Парижского, Петра де С. Клу, Рудольфа Эмского, превосходного Ульриха фон Ешинбаха и непревзойденного Фирдуси; но желание мое не столько возобновить в памяти людей немеркнувшую славу Македонца, сколько облегчить преисполненную восторгом душу, заставляет меня действовать как богомольцы, которые, шепча слова молитв, не вспоминают, какими великими святыми сло-

жены эти песнопения.

Глава первая

§ 2. О царе Нектанебе в Египте

В древнем Египте был царь Нектанеб, кроме царской крови отличавшийся мудростью и большими знаниями в магии и звездочетстве. Его войска всегда одерживали победу, но никто не знал, что во время битвы царь волшебной предопределял исход сражений; затворившись в тайный покой, он облакался в жреческие одежды, брал жезл и делал из воска изображения людей, если битва была на суше, или лодок с воинами, пустив которые в медный таз с водою, он ловко топил под заклинанья, сухопутных же пронзал тонкою иглою. И производимое над бездушным и мягким воском чудесным образом отражалось на далеком поле брани. Но однажды, когда гонцы донесли царю о приближении новых врагов, духи воды и воздуха, вызванные искусством венчанного мага, объявили, что пробил час его поражения и бессильна их власть. Нектанеб снял привязанную бороду и, надев простую одежду, отплыл тайком из Египта, так что когда не привыкшие к поражениям, полководцы вернулись в столицу, они нашли дворец пустым, и лишь опрокинутый таз, кусочки воска и борода, плавающая в луже воды, напоминали о недавнем присутствии здесь царя. Смятенному народу бог

Серапис через свой оракул ответил:

Царь Нектанеб вас покинул на долгие годы.
Снова воротится к вам, юностью новой одет.

Эту надпись начертали на статуе пропавшего царя, которую поместили в пустой гробнице, и, подождав немного, выбрали нового, временного владыку.

§ 3. Объяснение Олимпиады с магом

Меж тем царственный беглец, прибыв в Македонскую Пеллу, долго жил, снискивая себе пропитание гаданиями и ворожбою и вскоре прославился как искусный прорицатель и кудесник. В той стране царствовал тогда король Филипп, женатый на Олимпиаде, которая была неплодна. Однажды, гуляя в отсутствие мужа по дворцовому саду, королева поверяла свое опасение старой верной служанке, как бы Филипп не развелся с нею, не имея столько лет детей, на что прислужница ей рассказала о волшебной силе приезжего египтянина.

Послать за ним было делом небольшого времени. Придя в сад, он низко поклонился Олимпиаде и, вынув из-за пазухи золоченую дощечку с изображением планет цветными камнями, причем Гермесу соответствовал изумруд, а госпоже Венере – синий сапфир, долго молчал. Молчала и королева, опустив глаза в ожидании. Наконец египтянин сказал:

– Филиппу не разрешить твоего неплодья. Только бог Аммон может тебе помочь. Готова ли ты на все?

– Говори, – произнесла королева, не поднимая глаз.

– Я помолюсь, а ты с покрытой головою ожидай ливийского бога; когда раздастся змеиный шип, вышли всех вон и прими гостя; он будет с золотыми кудрями и бородою, золотую грудью и с рогом на лбу. Во время свиданья безмолвствуй. Тогда ты зачнешь и в урочное время родишь себе мстителя и владыку вселенной.

Олимпиада, помолчав, остро глянула на кудесника и сказала: «Бойся, если ты лжешь». Подняв руки к уже засветившимся звездам, Нектанеб воскликнул: «Клянусь!» – «Я дам тебе ответ завтра». Маг остановил ее, сказав: «Необходимо, чтобы я неустанно молился близ тебя это время; нет ли тайного помещения рядом со спальней?» – «Там есть гардеробный чулан, ты можешь находиться там. Прощай. Никому не говори».

По уходе королевы Нектанеб сорвал гвоздику, проколол на ее лепестках имя Олимпиады и, подняв цветок к звездам, долго взывал к небесам, чтобы они склонили мысли и сердце жены Филлиппа к затеянному им, Нектанебом, обману.

§ 4. Зачатие Александра

Все совершилось по желанию египтянина, явившегося в рогатой маске к безрассудной королеве, и так много раз, по-

ка она не почувствовала себя несправедливой и стала ожидать короля с радостью и с тревогою.

Глава вторая

§ 5. Филипп возвращается домой

Меж тем король Филипп в дальнем походе имел странное сновидение, смутившее его покой. Вавилонский толкователь, находившийся в свите, объяснил его так, что Олимпиада зачала от египетского бога. Не очень обрадованный такою новостью, король поспешил домой, где встретившие его служанки сказали, что госпожа лежит в болезни. Войдя в полутесную опочивальню, Филипп подошел к супруге и сказал: «Я все знаю, не огорчайся, воле богов мы должны покоряться». Олимпиада тихо заплакала, поцеловав руку мужа и не зная в точности, все ли ему известно. «Позовите сюда астролога», – вымолвила она наконец, и, когда вошедший Некта неб дал объяснения, совершенно совпавшие с толкованиями вавилонского мага, удивленный, хотя и сумрачный, Филипп обнял все плачущую супругу, и так они просидели молча до вечера, когда в окно глянули нежные рога молодого месяца.

§ 6. Чудесные знамения

Так королевская чета в мире, но без радости ждала при-

ближавшихся родин. Королева была бодра, гуляла по саду с дамами и изредка присутствовала на пирах, покуда Филипп не напивался допьяна по обычаю македонцев. Однажды Олимпиада, пробыв в пиру дольше, чем ей приличествовало, была наказана за свое безрассудство, так как упившийся король стал упрекать, что она беременна не от него. Оскорбленная королева поднялась, чтобы удалиться, как вдруг из-под пиршественного стола появился огромный змей, подымавший голову со страшным шипением. Гости повскакали с мест, дамы, забыв стыдливость, влезли на стол, подбирая платья, сам король готов был закрыть голову мантией, как вдруг змей, обернувшись орлом, взлетел на грудь королевы и, трижды клюнув ее в помертвелые уста, поднялся к небу через открытый потолок залы. Филипп, на коленях, вопрошал: «Кто ты: Аммон, Аполлон, Асклепий?» – меж тем как Олимпиада, окруженная нестройною толпою дам, направилась к своим покоям. Никто не заметил, что это были не более как проделки египетского выходца.

§ 7. Знамение второе

Но другие чудесные знамения, не менее удивительные, но уже без фокусов хитрого мага, уверяли Филиппа в замечательности близкого к появлению младенца. Как-то раз от скуки кормил король своих любимых ручных птиц; королева вышивала на балконе, изредка подымая голову, когда пти-

цы взлетали вровень с балконом и собачка у ее ног, насторожив уши, ворчала и тьякала, пугая шумящие стаи. Королева вскрикнула, когда одна из белых птиц вспорхнула к ней на шитье и мигом снесла яйцо, которое покатилося сверху под звонкий лай собачки. Из разбитого яйца выполз змееныш, медленно обполз свое недавнее жилище, будто желая снова войти в него, но лишь телько сунул голову в скорлупу, как вздрогнул, издохши. Королева, перевесившись через перила, не обращала внимания на начавшийся дождик, слушая объяснения Антифонта, что сын Филиппа обойдет весь мир и, вернувшись домой, умрет молодым. Печально собрала королева свое золотое шитье, уходя ожидать чудесного сына.

§ 8. Рождение Александра

Давно прошли сроки разрешения, а королева все носила свой большой живот и горько выговаривала Нектанебу, который нарочно задерживал роковой час, пока не сбудутся благоприятные небесные знаки. С утра садилась она на высокий родильный стул и даже спала на нем, плача и жалуясь. Наконец Нектанеб с башни крикнул: «Пора!» – и Олимпиада взревела, как телка, не помня себя от боли, не слыша грома, не видя молнии, сверкнувшей из чистого неба.

Бабка вынула из-под стула мальчика, не походившего ни на отца, ни на мать: он был с длинными волосами, вроде львиной гривы, красен, один глаз вниз, другой глаз вбок, с

большой головой и прямым носом.

Таково было рождение Александра.

§ 9. Воспитание Александра

Филипп не очень любил не похожего на него мальчика, рыжего, необузданного и своенравного, но он успокоился на мысли о младенце еще от первой жены, давно умершем, и получив предсказание от Дельфийской Сивиллы, что после него царствовать будет великий герой, сумевший объездить коня с воловьей головой. В учителя отроку даны были: книгам – Полиник, музыке – Левкипп, геометрии – Мелен, красноречию – Аксименит, воинскому искусству – военачальники, пестуном – Леонид, кормилицей – сестра Мелантова, философии – Аристотель. С последним принц проводил большую часть своего времени, гуляя в числе других учеников, набранных из детей царедворцев, по аллеям дворцового сада.

Аристотель не раз пророчил своему питомцу великую будущность и всемирную славу. Однажды старый философ обратился к детям с вопросом, что бы они дали ему, если бы стали царями; один обещал то, другой – иное, а Александр молчал, подбрасывая красный кожаный мячик. «А ты, принц, что бы сделал мне?» Тряхнув рыжей гривой, тот отвечал: «Что думать о будущем? придет час и ты увидишь сам, что я найду надлежащим сделать». Аристотель поцело-

вал его в лоб и продолжал медленную прогулку.

§ 10. Смерть Нектанеба

Олимпиада беспокоилась за божественного сына и часто заставляла Нектанеба читать в звездах все ту же судьбу. Однажды принц, заставши египтянина за подобным докладом, попросился сам посмотреть на звезды. Нектанеб согласился и в следующую полночь они вышли на городской вал вдвоем. Египтянин объяснил сыну значение светил, как вдруг сильный толчок заставил его свергнуться с высокого вала в глубокий ров, а над ним раздался громкий голос принца: «Как ты можешь читать далекую судьбу других людей, не зная, что с тобою случится сейчас?» На стоны упавшего Александр быстро спустился и, наклонясь над отцом, спросил: «Ты ушибся? Прости мою шутку!» – «Ты не виноват, твоя судьба была стать отцеубийцей». – «Подлый раб, что ты говоришь?» – «Я умираю, принц, и не солгу тебе. Слушай». И, коснеющим языком, Нектанеб рассказал Александру историю и обстоятельства его рождения. Долго смотрел принц при неверном свете звезд в застывшее лицо мага, не зная, верить ему или не верить; наконец, вздохнув, взвалил тело на плечи и понес в покои королевы. Та еще не спала и, в ужасе выслушав рассказ сына, без стопа опустила в глубокое кресло. Утром объявлено было о несчастном случае с приезжим астрологом. Через положенное число дней погребли

египтянина, по греческому обычаю.

§ 11. Букефал

Будучи пятнадцати лет, весною, проходя мимо отцовских конюшен, Александр услышал ржанье, не похожее на ржанье других коней.

– Кто это ржет так ужасно? – спросил королевич у конюхов. И, будто в ответ, раздалось снова ржанье, такое же звонкое, но нежное и приятное, как воркованье горлиц, отданное далеким эхом. «Кто это ржет так прекрасно?» – снова воскликнул принц, нетерпеливо сдвигая брови. Конюхи объяснили, что это ржет Букефал, необъезженный конь, питающийся человеческим мясом осужденных на смерть преступников и сидящий в железной конюшне.

Александр потребовал, чтобы открыли огромные засовы, вошел в стойло, полное обглоданных костей, и, схватив чудовищного коня за гриву, поставил его прямо глазами в слепящее солнце, вспрыгнул сзади на спину, не привыкшую к тяжести, и стрелой полетел ко дворцу.

Конюхи с криком бросились за облаком пыли, но конь, весь в пене, стоял, кося глазами, с раскрасневшимся всадником, у самого дворцового крыльца, с которого спешил король в домашней одежде. Спустившись, Филипп стал на колени, воскликнув: «Привет тебе, сын мой, обуздавший коня, владыка мира».

И королева, из окна верхнего этажа наблюдавшая эту сцену, конюхи и весь народ повторили: «Привет владыке мира». А Александр, улыбаясь, трепал по шее коня, косящегося на яркое солнце.

Глава четвертая

§ 12. Александр на олимпийских играх

Александр, сопровождавший не раз отца в недалекие походы, давно желал попытать свои силы на славных олимпийских играх. Король не особенно охотно, но отпустил принца с другом его Гефестионом, связанным самыми нежными чувствами с королевичем, снарядив особый нарядный корабль. Прибыв в Пису, они узнали, что на состязание съехалось немало знатных витязей, как Ксанфий Беотийский, Кимон Коринфский, Клитоман, Аристиин, Алунфос, Пирий, Лаконид, но самым замечательным был Николай, сын царя Арканского. С этим заносчивым юношей у Александра затеялась ссора почти тотчас по высадке на сушу. Встретясь с приезжими на улице веселой гавани, Николай, надменно красуясь, спросил: «Вы пришли посмотреть на игры?»»

«Мы пришли состязаться». – «Ого, вы думаете, это детские игры?» Александр, вспыхнув, ответил: «Я с тобою готов сразиться». – «Я – Николай, сын царя Арканского», – надменно возразил юноша. «А я – царевич Александр, сын Филиппа Македонского. Но что до наших царств? все преходяще». – «Ты верно говоришь, но понимаешь ли ты свои слова,

дитя?» – «Больше, чем ты свои надутые речи». И разошлись в разные стороны, каждый плюнув налево.

На следующий день Александр не только выступил в беге колесниц, но даже одолел всех участников, а Николай-царевич до смерти убился, свергнувшись с колесницы, зацепившейся за обломки других. Македонского принца венчали победным венцом, меж тем как Зевсов жрец изрек:

Зевс олимпийский гласит, многих врагов победитель Будешь ты, чадо судьбы, гордость кичливых смирив.

§ 13. Брак Филиппа с Клеопатрой

Радостный и увенчанный, принц спешил на родину, где нерадостные новости ждали его. Он узнал, что в его отсутствие король задумал, отпустив королеву, жениться в третий раз на некоей Клеопатре, сестре Лисия. На тот вечер был как раз назначен свадебный пир. Александр, не снимая венка, вошел в переполненный гостями чадный зал. Меж двух светильников на тронах сидели Филипп и Клеопатра в венцах и торжественных одеяниях. Принц остановился в дверях со словами: «Отец, вот венок первых трудов моих, прими его. Я счастлив, попав на твой свадебный пир; когда я буду выдавать мать свою, Олимпиаду, ты тоже, надеюсь, не откажешься прийти на вечерю». И сел напротив смущенной пары. Лисий с места крикнул: «Король сочетается с благородной Клеопатрой, чтобы иметь законных наследников...» Он

хотел продолжать, но вдруг откинулся, хрипя, так как тяжелый подсвечник, пущенный ловкою рукою Александра, разбил ему висок.

Король с бранью вскочил, путаясь в мантии, поднялась Клеопатра, стали на ноги гости, и слуги столпились на середине зала. Филипп, сделав несколько шагов, покачнулся и с грохотом рухнул со ступенек трона.

Александр засмеялся, покрывая шум и крики: «Азию покорял, Европу в страхе держал, а двух шагов ступить не может!»

Друзья Филиппа и Лисия бросились к Александру, но тот, выхватив меч у бессильно лежавшего короля, стал махать им направо и налево, ловко нанося удары и крича: «Удаляйся подобру-поздорову, незваная матушка, советую тебе от души». Гости в страхе разбежались, роняя светильники, прячась под столы, скамейки и по темным углам. Испуганная Клеопатра, озираясь на короля и брата, поспешила удалиться с дамами, а Александр все махал мечом, покуда не увидел, что покой пуст, в окна сереет заря и только король стонет, разбившись при падении. Тогда принц, отложив меч, наклонился к отцу и промолвил: «Зачем ты, король, задумал свершить это злое дело?»

Но Филипп только охал, и Александр, не спрашивая больше, распорядился подать носилки, чтобы перенести больного в спальню.

Олимпиада, в темном траурном платье, со слезами обня-

ла сына, печалась и радуясь его защите. Целые десять дней ходил принц от короля к королеве и обратно, стараясь растопить их ожесточившиеся скорбью сердца, – и наконец поцеловал Филипп Олимпиаду, с улыбкою та обвила его шею, и Александр отвернулся к окну, откуда виделись дальние горы, чтобы не мешать словам сладкого примирения.

В народе же росла слава мудрости и мужества королевского сына.

Глава пятая

§ 14. Встреча с персидскими посланцами

Александр теперь и один был посылаем укрощать то там, то здесь возмущавшиеся города, что делал он успешно или мирным путем, благодаря своей мудрости, или оружием, благодаря своей храбрости. Возвращаясь домой после одного из таких усмирений, он увидел на широком зеленом лугу палатки каких-то людей, ходивших поодаль в длинных одеждах и широких головных уборах. Ему доложили, что это посланные персидским царем Дарием собирать дань с греков. Не отвечая, Александр подсказал к высокому персу с крашеною бородою и крикнул:

– Вы собираете дань царю Дарию?

– Да, господин, – отвечал спрошенный.

– Так вот я, Александр, сын Филиппа, короля Македонского, говорю царю Дарию: невместно эллинам варварам дань платить; пока отец один был, волен был делать, что хочет, но со мною дело иначе надо вести. Не только дани вам я не дам, но и что переплачено, назад верну.

И Александр, подняв руку к солнцу, клялся богами, меж тем как персидский художник спешно на серебряной доске нежными красками делал изображение златокудрого прин-

ца, чтобы отвезти царю в далекий Вавилон.

§ 15. Смерть Филиппа

Между тем в столице Филиппа было беспокойно и тревожно. Павзаний, Фессалоникийский правитель, составил заговор против короля, желая насильно овладеть Олимпиадой, которой, несмотря на ее лета, он уже давно досаждал своею любовью. И в один дождливый день, когда король отправился в театр без королевы, Павзаний и его приспешники, наполнившие почти наполовину места, ближайšie к царскому, решили нанести свой удар. По данному знаку юноша, державший опахало за Филиппом, вдруг, обнажив свой меч, поразил короля в плечо, меж тем как одна часть заговорщиков с Павзанием бросилась к помещению Олимпиады, другие же рассыпались по городу, ища своих сторонников и подстрекая равнодушных граждан кричать: «Да здравствует король Павзаний, смерть египетскому ублюдку!» Отбиваясь от наступавших злодеев, друзья с трудом пронесли раненого короля во дворец. На улицах, несмотря на дождь и сумерки, завязались схватки, как вдруг пронзительные звуки трубы возвестили прибытие Александровых войск, к радости верных и трепету изменивших граждан. Быстро промчался он ко дворцу, оставя войско справляться на улицах. Быстро вошел в спальню матери, он увидел королеву в объятиях Павзания, безумно ее целовавшего. Крики Александра,

не смевшего пронзить копьем насильника из опасности поранить мать, не достигали ушей иступленного правителя. Все крепче сжимая одною рукою королеву, другою пытаюсь сорвать тяжелые темные одежды, он повалил Олимпиаду на пол, уронив высокое кресло и не выпуская своей добычи.

«Рази, сынок, рази, не бойся! и меня! не щади мою грудь, вскормившую тебя!» – вопила королева из-под неистового любовника. Ринувшись, Александр за шиворот оттащил полюбленного, ничего в страсти не сознающего Павзания и, вонзив копье в голый живот, повернул раз, и два, и три, так что тот взвыл, как бык, шаря руками теплые груди возлюбленной. Олимпиада, завернувшись в полог, трепанная, кричала: «Не добивай! к отцу веди его – там убьешь!» – «Так, королева», – воскликнул сын и поволок полуживого Павзания с высокой лестницы за ноги. В комнате короля было темно и пахло зельями; на стук вошедшего принца Филипп открыл глаза, но снова тотчас завел их. Александр подошел к постели, поцеловал руку короля, тихо сказав: «Это я, батюшка, вот враг твой, отмсти!» Глаза Филиппа заблестели, и, взяв поданный сыном нож, он слабой рукою вонзил его в полумертвого вассала. Потом, закрыв глаза, улыбнулся и, сказав сыну: «Боги тебя хранят. Я умираю отмщенный», вздохнул в последний раз. Поднеся зеркало ко рту короля, принц ждал несколько минут, потом, перешагнув через труп Павзания, распахнул окно на темную площадь, где под дождем чернели ждущие толпы, и громко крикнул: «Король Филипп

умер отмщенный!» – и громкий клик донесся из темноты: «Да здравствует король Александр!» – меж тем как зарево от зажженных бунтовщиками предместий румянило густые тучи.

Конец первой книги

Книга вторая

Глава первая

§ 16. Вступление на престол

Александру минуло 18 лет, когда он вступил на отцовский престол. Проведя надлежащее время в трауре и другое в пышных торжествах коронования, новый король созвал все войска и полной огня речью убеждал их сбросить персидскую власть. Он собрал юношей со всех городов, раздавая им оружие из открытых арсеналов, не забывая и ветеранов, как опытных советников в боях.

§ 17. Греческие походы

Подсчитав свое войско, Александр, раньше чем двинуться на варваров, отправился, оставив на это время правителем за себя Антипатра, на греческие города, отложившиеся тогда от него, чтобы не оставлять врага в тылу. Особенным упорством в непризнавании нового властителя отличались Фивы, которые Александр и разрушил до основания, поща-

див только дом славного Пиндара, слагателя од. И царь велел своим флейтщикам и тимпанникам громко играть победные, песни, когда разорвали стены, созидавшиеся при музыке Амфиона. Закрепив свою власть в Греции, вождь через Македонию направился к Геллеспонту, чтобы перейти в Азию. Попутные города встречали его с открытыми воротами, увенчивая победительного царя венками. Персидские разведчики у моря, видя Александрову переправу, бросились доносить царю Дарию, что «бесноватый» перешел Геллеспонт; Дарий, занятый в это время игрою в шахматы, спутал рукою все фигуры, велел высечь сторожей и стал собирать войска. Рати встретились у реки Граники свежим утром, когда солнце еще не всходило. Греческие всадники не решались вступить в неширокую, но быструю речку, обмениваясь только стрелами и ругательствами, далеко разносившимися; тогда Александр сам первым ринулся на своем Букефале в стремительный поток, увлекая за собою и войска.

Одержав победу над персами, Александр прошел Ионию, Карию, Лидию, Фригию, Памфалонию, забрал царские сокровища в Сардах и через Апантус направился в Сицилию, откуда достиг Италии. Воеводы этой страны выслали навстречу герою Марка с жемчужным венцом и дарами. Взяв у них воинов на подмогу, снова сел король на свои ладьи и дальше поплыл по открытому морю.

§ 18. Утверждение в божественном происхождении

Александр не давала покою мысль о его происхождении, но никому не поверял он заботы, ни даже другу своему Гефестиону. Однажды, не спав всю ночь, легкой дремой забылся король под утро, – и видит, будто воочию, бог Аммон обнимает королеву Олимпиаду, сладко в уста ее целуя, и говорит к нему, Александру: «Не бойся, чадо, я – твой отец». Когда, проснувшись, король вышел на палубу, будто солнце, сияло его повеселевшее лицо. Друг спросил: «Что с тобою, король, сегодня?» Важно обнял его Александр и, лобзая, промолвил: «Целует тебя сын Аммонов!» А вдали из зеленого моря все ближе и ближе желтели плоские пески, и чайки кружились над кораблем короля. Так они прибыли в Египет.

Глава вторая

§ 19. Основание Александрии

Александр новым видением был извещен, что на этой земле должен быть основан новый город, там, где остановится пораженной первая дичь или зверь. Удалившись от моря с немногими спутниками, король долго искал взором птиц или животных, но все было пусто в тростниках и мелких кустах, только лужи от недавнего половодья блестели на жарком солнце. Стрелок ехал рядом, имея стрелу наготове. Вдруг сдержанный крик возвестил желанную встречу и, раздвигая камыш, показалась белая как снег лошадь, с белым же рогом на лбу. Она так быстро скрылась, что могла считаться видением. Александр, Гефестион и лучник устремились за чудным зверем, шурша по гибким болотным травам, влекомые то появлявшимся, то исчезающим единорогом. Первая и вторая стрелы не достигли цели, упавши в плоские озера. Наконец они выехали на открытое песчаное место, среди которого рос куст смородины на болотце. Лошадь стояла прямо против короля и ржала умильно. Александр, выхватив у подоспевшего отрока лук, поразил в лоб чудесного зверя, который тотчас исчез. Там македонец молился под ясным небом, пока не подоспели войска с военачальниками. Тот-

час отмерили площадь будущего города и направились вверх по реке, между тем как Гефестион с частью войска остались нанимать туземцев обжигать кирпичи и наскоро делать временные землянки из ивовых прутьев и глины для рабочих и их семейств.

§ 20. Оракул Сераписа

К вечеру король достиг островка, где находился заброшенный храм посреди нескольких лачуг. Никто из жителей не знал, кого изображает статуя прекрасного мужа из черного камня. Жрец сам в точности не мог этого объяснить, но едва только Александр переступил порог святилища, как голос раздался:

Трижды блажен Александр, Сераписа храм посетивший,
Город великий создав, гроб себе славный создашь.

§ 21. Александр в Египте

Египтяне встретили Александра ликованьями и торжественными процессиями. На берег реки вышли вереницы отроков и девушек, жрецы в завитых париках, далеко пахнущие мускусом, иерофоры с изображениями богов под видом всяких животных и толпы черных загорелых туземцев. Короля короновали в древнем храме двойным уреусом и по-

вели по гробницам фараонов. Войдя в одну из усыпальниц и услышав, что она возведена в честь без вести пропавшего царя Нектанеба, король велел поднять факелы к лицу изображения, – и, вдруг громко воскликнув, поднялся по высоким ступеням, обнял статую и, плача, сказал: «Это – отец мой, люди египетские». Все пали ниц, только опахала возвышались над простертой толпой и трубы жрецов отвечали царским словам.

Король, пробыв дни празднеств в столице, забрал отцовский кумир и мощи пророка Иеремии и снова отправился в путь на север. Орел всю дорогу предшествовал их кораблю, иногда опускаясь на статую Нектанеба, стоявшую на носу и светившуюся ярким топазом во лбу навстречу вечерней звезде. Издали они увидели дым от обжигаемых кирпичей и слышали заунывные египетские песни над местом создаваемого города. Гефестион с факелами ждал на берегу, увидав с вышки королевский корабль.

Принеся жертву богам и особенно Серапису и Аммону, дав первые установления поселенцам, король снова сел на ладью, побуждаемый жаждою славы и неусыпным мужеством.

Глава третья

§ 22. Взятие Тира

Подойдя к Тиру, Александр послал послов, думая мирным путем овладеть городом; но граждане в ответ на его письмо повесили послов перед городскими воротами и еще крепче заперлись в своих башнях. Войдя в сношения с тремя восточными предместьями, Александр, в темную ночь, зная ворота заранее отпертыми, врасплох напал на город, овладел им, воспользовавшись сном и уверенностью жителей, и перебил всех мужей, оставив для рабства женщин и отроков.

§ 23. Александр в Иерусалиме

От моря высокими плоскогорьями путь лежал к Иерусалиму. Евреи выслали сами выборных к Александру с просьбой взять их в подданные и с дарами.

Александр наблюдал звезды, когда ему сказали о посольстве; царь принял евреев в одежде астролога, холодно и сдержанно, расспрашивал об их суевериях, об их желаниях; услышав, что они просятя в его подданные, король приказал четверем юношам тотчас броситься в пропасть, что

они, обнявшись, и сделали. Иудеи разорвали свои полосатые одежды и подняли вопль; царь же молвил: «Не думайте, что эти молодые люди были преступниками, изменниками или чем-нибудь подобным, но взявшие на себя подчинение мне так должны исполнять малейшее мое желание». Наутро короля встретил в воротах первосвященник, у которого весь подол был обшит золотыми колокольчиками и надет на грудь Ефуд с самоцветными магическими камнями: 1) садрионом вавилонским, красным как кровь, целящим раны; 2) топазом индийским, что от водянки освобождает; 3) изумрудом – отрадою глаз; 4) анфраксом, сияющим ночью и через покровы; 5) сапфиром, на котором начертал Моисей заповеди; 6) яннисом из Амафунта; 7) анатисом, усмиряющим змеиные ужалы; 8) иакинфом, что тушит огонь своим пламенем; 9) аметистом из ливийских приморских гор; 10) хризолитом, бериллом и ониксом. Король, спешившись, быстро подошел к старцу и, поцеловав руку, спросил: «Отец, какому Богу ты служишь?» – «Единому, создавшему небо и землю». – «Пусть он будет и моим Богом!» – воскликнул герой, а старец, подняв руки с раскрытыми дланями к небу, произнес: «Бог побед с тобою, чадо!» Греческая свита короля находила его поведение не совсем согласным с царским достоинством, еврейская же молва разошлась, что победитель оказывал все видимые знаки уважения к их суеверию, втайне его исповедуя. Но, конечно, это – не более как пустая басня.

§ 24. Послы Дария и Александров ответ

В Сирии Александра встретили послы Дария, неся письмо, меч, плеть и ящичек с золотом. Письмо, прочитанное перед всеми войсками, было полно надутого хвастовства и брани: «Я, Дарий, царь царей, бог богов, сияющий, как солнце и т. д., Александру, рабу моему: ехал бы ты к матери своей, Олимпиаде, лежал бы у ее груди да в школу ходил, чем грабить чужие земли, как разбойник». Молчание, наступившее после наглого послания, было прервано голосом короля же, громко сказавшим: «Боимся ли мы лающих собак?» Затем велел распять послов; послы, два перса с рыжими бородами, и переводчик, греческий мальчик, – бросились ниц перед королем, взывая: «Пощади! что мы сделали? в чем наша вина?» Царь, усмехнувшись, молвил: «Разбойника ли молить о пощаде?» – «Мы видим царя!» – лепетали те. «Да, цари послов не казнят!» – будто что вспомнив, громко сказал Александр и, опустив голову, пошел на ужин, куда велел привести и послов. Мальчик-переводчик шептал, наклоняясь к уху короля: «Царь, я скажу тебе, как ты можешь захватить Дария. Твоя красота покорила меня». Александр, отстранив его, сказал: «Не говори мне твоей тайны, сбереги ее для кого-нибудь, более красивого, чем я». На пиру же, с одобрения военачальников, писалось и ответное послание: «Александр, сын Филиппа и Олимпиады, царю царей, богу

богов и т. д. Дарию – радоваться. Подумай, какая честь мне тебя победить? А разбойника умирить заслуга не велика! И подарки твои – очень хороши. Меч – земной шар, плеть – победу означает, золото – дань». Все громкими криками приветствовали ответ короля, стуча кружкой о кубок и копьями об пол.

§ 25. Битва и бегство Дария

Дарий снова написал послание к Александру, еще напыщенное, но герой только тряхнул гривой, сказав: «Дарий подобен бубну: издали – страшен, вблизи – одна натянутая шкура». Перейдя через Киликийский Тавр и дойдя до Тарса, враги встретились снова у реки.

Из греческого лагеря была ясно видна высокая колесница персидского царя. Дарий поместил все лучшие силы на крыло, противопоставленное тому крылу, где предполагал находящимся Александра. Сражение длилось почти до вечера, причем была такая теснота, что почти нельзя было в общей свалке отличить перса от грека, солдата – от начальника; лошади бились с распоротыми животами, оглушающий рев труб и стук персидских повозок усиливали общее смущение и неустройство. Скоро вся земля была покрыта живыми и павшими людьми и животными, сломанными и мчавшими колесницами, лужами крови, и тучи, закрывавшие солнце, казались еще мрачнее от множества копий и стрел, разно-

сящих смерть во все концы поля. Король не сводил глаз с колесницы Дария, пока она вдруг неуклюже не повернула и, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, не стала направляться в сторону от поля сражения. Александр с несколькими друзьями бросился туда же, отражая обратившихся в бегство персов. Повозка, сильно накренясь при поворотах, ехала быстро, скрипя колесами без прорезов. Дорога шла в горы, все круче и безлюднее; шум внизу затихал. Александр слышал уже фырканье Дариевых коней и наконец достиг; остановив лошадей, не спешиваясь, он взялся за ковровый полог, говоря: «Царь, не бойся, ты в безопасности; я – Александр». Толстая, круглая голова высунулась из-за полога и снова спряталась; король, подождав несколько времени, повторил свое уверение, которое оказалось снова напрасным. Наконец, зажегши факел, слуги широко откинули полы ковра. Закрывши лица руками, на коленях сидели три женщины. Король сам открывал их лица: первой оказался евнух, ломаным греческим языком и жестами объяснивший, что Дарий скрылся верхом, а что эти женщины – мать и дочь персидского царя; вторую назвал Дарифартой. – Принцессы, надеюсь, вы доверяете моему благородству? Дома не встретил бы вас такой почет, какой вас ждет у меня, – сказал король, снимая шлем с рыжей гривы. Старая царица казалась оглохшей, но Дарифарта откинула белокурые, в мелких косичках, волосы, улыбнулась, взяла руку Александра, прижала ее к своему сердцу, потом указала на молодой двурогий

месяц, пролепетав что-то нежным детским голосом.

Глава четвертая

§ 26. Александр на гробе Ахиллеса

Между тем как Дарий собирал второе войско, чтобы поразить Александра, король направился к морю посетить места, прославленные Гомером. Все внимательно осмотрев и надивившись славным развалинам, король на гробнице Ахиллеса сам принес жертву вместе с Гефестионом, своим другом. Затем, помолившись в храме Орфея, стал в свою очередь готовиться к новому бою.

§ 27. Верность Филиппа

Однажды, выкупавшись в холодной воде Кидноса, Александр простудился и слег. Когда позвали врача Филиппа, король полусидел в кровати, раскрасневшись и читая какое-то письмо.

Мельком взглянув пламенным оком на вошедшего, Александр продолжал читать, пока врач толк и мешал свои зелья. Наконец Филипп протянул чашу королю; тот, зорко на него посмотрев, воскликнул: «Какое доверие, Филипп!» – и стал медленно пить, не сводя глаз со спокойного лица лека-

ря. Затем, откинувшись на подушки, он дал Филиппу прочесть донос Пармения, будто королевский доктор подкуплен, чтобы отравить Александра. Выздоровев, король еще более приблизил к себе Филиппа, совершенно отдалив Пармения.

§ 28. Подготовка к битве

Пройдя Мидию и Армению, безводными пустынями достигнул король Евфрата, источники которого скрыты в чудесном Раю. Перегнав обоз и сам перейдя во главе войска, Александр приказал разрушить мосты, о чем Дарию тотчас же было донесено. Царь персидский разослал гонцов к своим воеводам и союзным владыкам, но только один индийский Пор обещал свою помощь. Старая мать писала из плена, каким почетом и уважением она окружена и молила не возмущать вселенную. Дарий заплакал, так как только что он отправил королю Александру послание, полное самого непередаваемого отчаянья, где отказывался от пленных родственников, предоставляя самому королю их судьбу. Александр, рассмеявшись, ничего не ответил на это безумное послание, и стал готовиться к битве.

§ 29. Александр в персидском лагере

Король тщетно искал кого-нибудь, кто бы вызвался пойти в ставку Дария. Ночью он привязал на рога коз зажженные ветви и, подогнав их к вавилонским стенам, воспользовался страхом стражи, чтобы осмотреть снаружи громаду города. Тройной ряд стен, медные высокие башни и ворота безмолвствовали; только слоны изнутри ревели на зарево да разбуженные голуби стаей взлетывали к черному небу. Задумчиво оглядел король диковинные стены и, вернувшись, объявил, что к Дарию послом пойдет он сам. Напрасно советники старались отклонить короля от его решения как от сумасбродной затеи, – Александр, взяв Евмила и трех лошадей, сам одетый наподобие Гермеса, направился к реке Странге, тогда покрытой льдом; там он оставил Евмила с двумя конями, сам же на Букефале переправился на ту сторону, крикнув: «Аммон – мне помощник!» Персидская стража, окружив Александра, принимала его за божественное явление и провела во дворец, где Дарий, в вавилонских одеждах, злаченной обуви, в багрянице, со скипетром и жезлом, восседал на сияющем троне. Все удивлялись небольшому росту Александра. Дарий сказал несколько усталым от вина голосом:

– Кто ты, мальчик?

– Я – посол Александра.

– Что скажешь?

– Александр рвется в бой и досадует на твою медлительность.

Брови царя сдвинулись, но, громко рассмеявшись, он сказал: «Пусть досадует, а мы пока попируем. Дать ему чашу!» Александр, спрятав одну чашу в складках хламиды, протянул руку за другой. Дарий сонно смеялся. «Ловко! а та где же, первая?» – «Король Александр всегда дарит чаши, когда пирует с друзьями!» Художник-перс на ухо шептал царю Дарию, что это – сам Александр, с которого он когда-то писал изображение. Царь кивал головою, соглашаясь и засыпая; по рядам гостей пронесся шепот: «Сам Александр», но король, подойдя к высокому окну, ответил: «Да, я – схож видом с богоподобным героем, но вы ошибаетесь», потом, вдруг поднявшись на подножке статуи Ксеркса, прокричал: «Царь Дарий, смотри хорошенько на меня, чтобы в битве не пропустить Александра», – и, отпихнувшись от статуи, рухнувшей на стол, разбивая обломками кубки и чаши, скрылся через высокое окно. Пьяные персы, ругаясь, седлали лошадей в темноте, но, не догнав легкого грека, доносили сидевшему над обломками отцовой статуи Дарию самые невероятные известия об исчезновении Александра.

Глава пятая

§ 30. Битва

Следующая битва произошла вскоре у реки Странга, зимою; оба вождя собрали как можно больше войска, говорили самые замечательные свои речи. Дарий был на удивительной колеснице с серпами около колес, которыми она жала все'х приближавшихся. И таких сооружений был целый отряд. Битва была кровавейшая; небо темнилось стрелами, камнями и дротиками. Серпоносные персидские колесницы, обратившись в бегство, резали своих же солдат, которые, ища последнего прибежища на льду реки, нашли там окончательную себе гибель, так как, не вытерпев тяжести стольких людей и лошадей, лед проломился и все покрылись вдруг открывшейся черной шумящей водою. Дарий на берегу разорвал свои одежды и спешно направился ко дворцу, где, запершись в далеком покое, бросился на пол, плача как дитя: «Дарий, Дарий – нищий беглец, недавно властитель мира!»

Приближенный Дария, Авист, неудачно покушался на жизнь Александра, переодевшись македонянином, но был отпущен на свободу великодушным королем. Александр велел погребать тела павших греков и персов, собираясь перезимовать в Вавилоне, славном немалыми диковинами.

§ 31. Смерть Дария

Другие два приближенных Дария, желая сделать приятное Александру, как вероятному победителю в этой борьбе, решили убить царя; однажды ночью, проникнув в царскую спальню, они напали на Дария, но он голыми руками так оборонялся против двоих, что, не осуществив своего позорного намерения, вельможи скрылись, оставив недодушенного царя стонать в темном покое. Едва Александр узнал о заговоре и убийстве Дария, как тотчас льдом перешедши реку, направился к его покою. Царь лежал на полу посреди комнаты, носившей все следы недавней упорной борьбы, еле живой. Александр покрыл его своей хламидой и, сжимая костенеющие руки, шептал: «Дарий, встань, живи, царствуй в твоей стране».

Дарий, остановив на короле свой блуждающий взгляд, еле слышно пролепетал: «Смотри, чем стал я; тень, мелькнувшая на стене, вот слава; помни, помни!..» Александр, закрыв лицо Дария плащом, поскакал обратно. В Вавилоне, осмотрев все диковины, погребя Дария, распяв на его гробе его убийц, Александр короновался и вскоре отпраздновал свадьбу с Роксаною, достигнув, казалось, верха человеческого счастья.

Конец второй книги

Книга третья

Глава первая

§ 32. Прощание с Роксаной

Зима, проведенная в мире и бездействии, удручала Александра смутною и неопределенною тоскою, и часто, уже весною, сидя на террасе с другом своим Гефестионом, вздыхал король о дальних походах. Похвалив такое стремление, друг посоветовал королю отправиться к востоку, в Индийское царство, через пустыни, имея путеводителями небесные созвездия, звездные хороводы. Поцеловал король друга и пошел к королеве Роксане. Королева сидела у окна, ничего не делая, скучая холодностью Александра, ибо хотя и считалась она королевской супругой, но пребывала девой к большой своей досаде. «Что вам, король, угодно?» – спросила она, не оборачивая к супругу своего широкого, ярко нарумяненного лица. «Меч мой и походный плащ ищу я, госпожа королева», – отвечал Александр. «Разве вы собираетесь в новые походы?» – не отводя глаз от расписных стекол, продолжала Роксана. «Да, госпожа». – «Не худо бы вам раньше

было предупредить меня, чтобы я могла вышить вам что-нибудь на память». – «Вы и так будете царить в моей памяти!» Королева походила по комнате и вновь обратилась к супругу: «Что слава? не дым ли? Вам нужно бы иметь сына, как достойного наследника». И она опустилась на пол у ног героя. Александр долго не отвечал, улыбаясь и перебирая кудри Роксаны; потом вымолвил: «Госпожа, вышей мне победную мантию, приноси жертвы богам, нам же оставь решать наши мужские дела». Король вышел быстрым шагом из покоев королевы, а та долго сидела в темноте, сжимая руками висок, поцелованный супругом, не слыша труб и ржания коней, стука пик и глухих ударов в бубен. Пуста была темная площадь, когда Роксана глянула в окно и, засветивши небольшую лампу, села за шитье, роняя злые, скупые слезы.

§ 33. Странствование по пустыне

Войска смутно знали, куда они идут, военачальники тоже, и только уверенность безоблачного царского чела удерживала от явного ропота. Водимые звездами восемь дней, блуждали они в бесплодной пустыне; наконец пришли в плодовые леса, где жители были подобны зверям, и в травяную страну, где вместо собак у домов цепями держались блохи и жабы, и в болотное место, где лаяли бесстыдные жители, обращенные в бегство только огнем. И дальше шли, дивясь чудесам, грифонам, немым племенам, полусобакам, одноглазому тиг-

ру, живущим в огне саламандрам, дереву, к вечеру испускающему благовонную слезу, шестиногим, трехглазым пардусам. И из теплого тумана нежные, но строгие голоса пели: «Остановись, король, остановись». Но Александр внятно в тишине произнес: «Хочу видеть край земли!» И снова дальше пошли, заглушая усталость и ропот любовью к царю. Наконец теплый и густой туман известил их о близости моря. Моря не было видно в розовой мгле, но видны были чуть мерцающие фонари на мачтах суден. Король взошел на незнакомый никому корабль и тронулся, пеня густую, еле шипучую влагу. Слева виделся будто лесистый, высокий остров, откуда неслись греческие слова, но говоривших не было видно, а смельчаков, пустившихся вплавь достигнуть чудесного берега, невидимые руки вновь увлекали в пучину. Наконец туман так сгустился, что казался порфировой стеною, и король принужден был вернуться к берегу. Долго стоял Александр у туманного моря и потом, вздохнув, направился в глубь страны.

§ 34. Область мрака

Вскоре достигли они темной страны, без зари, солнца и месяца, где чаяли быть стране блаженных. Чтобы не потерять пути во мраке, разлучили ослицу с осленком и, пустив первую вперед, второго держали перед войсками, чтобы вестись криками матери. Но странный свет озарял под-

земную дорогу приглядевшимся путникам. Встречные предметы виделись им серыми и неопределенными, будто впробирках. Скоро они вышли на печальное холмистое место; ветер слева наносил тяжелый смрад, и ослица кричала вдали еле слышно. Летучие мыши, проносясь над самыми головами, казалось, шипели: «Сверните налево». Путники скоро нашли озеро, все наполненное людьми, так что воды даже не было видно, а только головы, плечи и руки. Из-под земли доносились вопли и стенания, будто в бурю из трюма корабля. Но все голоса покрывал крик гиганта, прикованного к острой скале; за пять дней пути был слышен этот вопль. Встречались им кучки людей, мужчин и женщин, всех обнаженных, которых гнали крапивным бичом пламеннозрачные птицы. Растрепав свои волосы, гонимые дико посмотрели на короля и, протянув руки вперед, разом возопили: «Знал ли, царь Александр, ты любовь?» Король перевел глаза свои на Гефестиона и медленно повторил: «Знал ли я любовь?» – но серые люди, хрипло лая, уже прошли, согбенные под ударами крапивных бичей, мимо. Спустившись с плоскогорья, вступили, очевидно, на медную землю, – так гулко эхо разносило стук копыт. Александр вздрогнул, вспомнив предсказание Антифонта, что умереть ему придется на железной земле под костяным небом. Но миновали и эту дорогу, не внимая непрерывным теперь голосам и стонам. Вдруг внезапно наступившая тишина поразила их слух. Справа высился густой лес за высокой оградой, ключ слабо серебрился, жур-

ча у самого входа, а небо сквозь пустые ветви казалось прозрачней, слегка зеленея. Ржание ослицы смолкло вдали. Король тихо подъехал к роще, сняв шлем и пытливо глядя на светлевшее небо. Вдруг ворота тихо отворились, и из густой чащи вышел нагой отрок с высоким копьём, на конце которого желтел чудесный топаз. Нежным голосом, как горлица, он сказал: «Царь Александр, это – обитель блаженных; сюда никто не может вступить живым, ни даже ты, дошедший до этого места, куда не заходила человеческая нога. Будь радостен, ты скоро сюда придешь, не желая этого». И, печально улыбнувшись, мальчик исчез, и ворота сами закрылись, а король молчаливо снова повел свое войско за ослиным ржанием, пока не вышел на белый свет, где солнце, луна, и звезды, и трава покрывает милую черную землю.

Глава вторая

§ 35. Ропот солдат

Придя в Индию, Александр встретил посланных от Пора, царя индийского, который советовал отказаться от борьбы с богом Дионисом, сораотничающим будто бы ему, Пору. Король ответил: «С богом я не воюю, но не боюсь надутых варварских слов». Военачальники же Александровы, видя путь еще дальним, горы все более неприступными, встречаемых зверей все более диковинными, побуждали солдат отказаться следовать за царем. Александр читал Гомера в палатке, когда его вызвали к солдатам. Лагерь был расположен в узкой долине, так что, несмотря на не очень поздний час, лиловый свет лежал только на вершинах гор. Толпа кричала: «Мы не бессмертны, мы не Аммоновы дети! Нам нужно питаться! Куда ты завел нас? Нам страшно! Дальше мы не идем: иди один!» Король долго молчал, подняв глаза к розовеющим тяжелым облакам; наконец звонко и далеко разнесся его голос: «Оставайтесь или возвращайтесь домой, – дело ваше. Я пойду и без вас, хотя бы один. Как солнце не может уклонить своего пути ни вправо, ни влево, так я не могу изменить предначертанной мне славы!» Гефестион и ближайшие юноши бросились целовать короткую одежду коро-

ля, восклицая: «Умрем с тобою!» – «Слава моя – ваша слава!» – ответил царь, проходя в свою палатку. К утру успокоенные войска снова двинулись навстречу Поровых полчищ.

§ 36. Битва с Пором

Взойдя на вершину горы, греки вдруг увидели бесконечную зеленую равнину, белые храмы с голубыми бассейнами, поля незнакомого хлеба, редкие, но многочисленные рощи, дороги, усыпанные красной землею, и вдали спокойное, ослепительно синее море. Благовоние полевых и болотных цветов доносилось даже до гор. Птицы с пестрыми хохлами перелетывали с пальмы на пальму, бабочки тяжело подымались с лиловых и розовых цветов. Жужжали пчелы в стоячем жару. По всему ближайшему полю были рассыпаны белые шатры, и высокие черные люди в белых платьях с пиками в руках сторожили костры. В стороне, будто стадо, лежали барсы и тигры, играя между ногами неподвижных слонов. Боясь боевых зверей больше, чем самого войска Пора, король велел сделать медные изображения людей и, раскалив их докрасна, поставить впереди воинов, так что тигры, спущенные с золотых цепей, с воем отпрыгивали, катаясь по траве от боли, снова затем бросаясь на другие изображения или с визгом отказываясь повиноваться бичу надсмотрщиков. На ночь противники расходились, чтобы с зарею снова начинать бой. Так продолжалось дней восемь; на

девятый Александр предложил Пору решить спор единоборством, хотя короля и отговаривали от такого шага, напоминая, что царь Пор – славный единоборец, почти на два локтя превышающий его ростом. На десятое утро перед всеми войсками царственные противники начали свой поединок. Пор был высок и гибок, с красным небольшим передником на всем смуглом теле; голова, повязанная красным шелком, сияла рубином, лицо его было правильно и юношески прекрасно, а взгляд огромных, низко посаженных глаз наводил суеверный трепет на робких людей. Военачальники и солдаты в молчаньи следили за ходом борьбы, меж тем как индийские и греческие жрецы приносили жертвы, каждые по обычаям своей веры. Александр быстро повалил индийца и, сжав белыми руками его черное горло, долго не выпускал. Наконец, спокойный голос греческого царя разнесся по широкому полю: «Люди индийские, пришлите врачей вашему царю. Наш спор кончен, а с вами я не воюю: один был врагом мой – царь Пор». Индиец лежал навзничь, спокойно раскинув руки, закрыв глаза, не дыша. С дальних гор слетел ястреб, сел на лоб мертвому и, трижды клюнув в рдевший рубин, опять поднялся медленно в туманные горы.

Глава третья

§ 37. Брахманы

Мудрецы, прозываемые брахманами, послали Александру письмо, в котором просили оставить их покойно и в молитве вести свои дни. Король любопытствовал сам их увидеть, хотя не только этот вполне законный интерес, казалось, руководил им в этом посещении. Дойдя до большой, мутной, как бы молочной, реки, путники увидели бородатых и безбородых людей, совсем голых, лежавших под ветками дикой сливы и хранящих молчание; некоторые сидели, поджав толстые ноги и скосив глаза, с руками, поднятыми в согнутых локтях вверх. Александр, в красном коротком плаще, подойдя к мудрецам, приветствовал их и стал задавать вопросы. Столпившись вокруг царя, с полузакрытыми глазами, нагие мудрецы давали ответы тихими голосами.

В.: Имеете ли вы царство и город в нем?

О.: Мир – наше царство и наш город: земля нас рождает, кормит и принимает наш прах.

В.: Каким законом водитесь вы?

О.: Высший промысел блюдет нас и определяет наши поступки и мысли.

В.: Что есть царская власть?

О.: Сила, дерзновение, бремя.

В.: Кто всех сильнее?

О.: Мысль человеческая.

В.: Кто избежал смерти?

О.: Дух живой.

В.: Ночь ли рождает день, день ли – отец ночи?

О.: Ночь – наша праматерь, растем во тьме, стремясь к беззакатному свету.

В.: Имеете ли вы игумена?

О.: Старейшина наш – Дандакий.

В.: Хотел бы его целовать.

Короля провели тенистой рощей к старцу, такому исхудалому, что, мнилось, достаточно легкого дуновения, чтобы развеять его потемневшую плоть. Веки его были опущены и на больших листьях перед ним лежала дыня и несколько смокв. Он не поднялся при приближении Александра, даже не открыл век, только слегка дрогнувших. Борода его тряслась и голос был так слаб, что королю приходилось нагибаться, чтобы слышать его вещий лепет. Старец, улыбнувшись, принял иссохшею рукой склянку с маслом, поднесенную ему королем, но он отказался принять золото, хлеб и вино. Чуть слышный шепот прошелестел, как шаткий камыш: «Зачем ты все воюешь: если и всем обладать будешь, сможешь ли взять с собой?» Александр горестно воскликнул: «Зачем ветер вздымает море? зачем ураган взвихряет пески? зачем тучи несутся и гнется лоза? Зачем рожден ты Дандакийем, а я

– Александром? Зачем? Ты же, мудрый, проси, чего хочешь, все тебе дам, я владыка мира». Дандакий потянул его за руку и ласково пролепетал: «Дай мне бессмертие!» Александр, побледнев, вырвал руку из рук старика и, не оборачиваясь, быстро вышел из тенистой рощи к реке, где на молочной влаге крикали жирные лобастые утки и мошки толклись хоро-
водом.

Глава четвертая

§ 38. Предсказания деревьев

Широкие улицы, обсаженные пальмами, обширные, то белые, то пестрые храмы, шумная толпа веселили взоры усталых пришельцев; жители были покорны и ласковы. Старый жрец, с высоким жезлом из черного дерева, водил короля, показывая редкости города. Самым замечательным дивом был сад, посреди которого росли два дерева вроде кипарисов, увешанные звериными шкурами. На вопрос короля вожатый ответил: «Царь, ты видишь два священные дерева: одно зовется мужской пол и посвящено Солнцу, другое, посвященное госпоже Луне, зовется полом женским. Звериные шкуры – приношения богомольцев, причем шкуры самцов возлагаются на солнечное дерево, а самок – на лунное. Три раза днем и три раза ночью деревья вещают судьбу при восходе, зените и уклоне солнца и ночного светила. Если тебе угодно знать свою судьбу, очистись, разоружись и подойди с молитвой к деревьям». Александр, метнув гневный взор, воскликнул: «Если солнце зайдет без того, чтобы я услышал голос, сожгу вас живыми!» Жрец, поклонившись, удалился, а король, исполнив требуемые обряды, стал молиться, положив руку на ствол священного дерева. Уже солнце

верхним краем чуть краснело над густою рощей и царь готов был, полный гнева, уйти, как вдруг, подобно отдаленному гонгу, густой мужской голос пропел: «Царь Александр, скоро погибнешь от индийских людей». Царь, не двигаясь, стоял, будто окаменелый, пока быстрые сумерки не привели новой тусклой зари ночного светила, и из листвы соседнего дерева раздался низкий женский голос: «Бедный царь Александр, не видеть тебе больше матери своей, Олимпиады: в Вавилоне погибнешь». Смущенный король отошел к своей свите, ждавшей его за оградой; на вопрос царя, можно ли возложить венцы на деревья, жрец отвечал: «Это запрещено, но если хочешь, делай, – не для тебя, божественный царь, законы». Александр подчинился и удалился в новый дворец. Всю ночь пировал он с друзьями, вспоминая походы и опасности, но лишь только засерело легкое утро, царь, сославшись на неотложность дел, один покинул зал и быстро направился снова к священной ограде. В томлении склонился король перед деревом и, когда солнце брызнуло первыми лучами по верхушкам и златоалые птички встрепенулись на гибких ветках, высокий детский голос, будто спускаясь из самого купола ясной лазури, прозвенел: «Александр, Александр, умрешь в Вавилоне, не обняв родившей тебя. Больше судьбы не пытай, ответа не будет». Никому ничего не сказав, король прошел в свой покой и развернул свитки, и, когда вошедший друг спросил: «Что ты, король, так бледен?» – Александр ответил: «Я мало сплю; труды и усталость бе-

рут мой румянец». Затем стал говорить о планах на будущие походы.

§ 39. Испытание воздуха

Всех удивил приказ короля сделать просторную клетку и такой же стеклянный сосуд в виде яйца, поймать семь пар сильных горных орлов и отыскать чистую девушку, не знавшую мужа. Когда все было исполнено, царь созвал народ на широкое поле за городом и, встав на возвышение, сказал: «Я покорил Европу и Азию, древний Египет и чудесную Индию, – юг, восток, запад и север; я смирил великих царей; я прошел всю землю от края до края; я был в царстве мрака и видел обитель блаженных. Теперь покорю я стихии, легкий воздух и текучую влагу, я – Александр, сын ливийского бога». Лицо Александра было бледно, но голос твердо и звонко раздавался по широкому полю. Затем он велел привязать к клетке орлов и положить в нее куски мяса; сам же взял два копья, длиною превосходящие привязи птиц, и, насадив на острия кровавые комки, поднял вверх обеими руками; орлы ринулись, не достигая, за ними и клетка с вошедшим туда королем, колыхаясь, стала подниматься в глазах изумленного народа. Все меньше и меньше делалась она, так что пролетавшие ласточки казались больше ее, и наконец скрылась из виду. Александр все летел выше и выше, и ветер свистел в его кудрях. Земля все уменьшалась, пока не стала похо-

жей, окруженная лентой океана, на ломтик темной гранаты в блюде чистой воды. День и ночь стремился царь ввысь, мимо звезд и планет. Звезды были хрустальные, разноцветные сосуды на золотых цепочках, и в каждой ангел возжигал и тушил ночное пламя; планеты же были – прозрачные колеса, которые по желобам катили десятки ангелов. Голоса навстречу неслись с ветром: «Вернись, вернись!» Наконец издали узрел Александр солнце. Гиацинтовое колесо, величиною трижды превосходящее площадь города Вавилона, катили с трудом по золоченому желобу ангелы с огненными лицами в красных плащах. Царь, закинув голову, кричал в пламенное сияние: «Я – Александр! Я – Александр!» – и орлы клектали семью парами раскрытых ртов. Звук тысячи труб и тысячи громов прозвучал в ответ: «Назад, смертный безумец, я – Бог твой!» Александр, лишившись чувств, опустил копьё вниз, и орлы понесли его к земле быстрее безумной кометы. Когда народ, ожидавший царя, восклицал: «Слава Александру, покорившему стихии!» – царь ничего не ответил и, бледный, направился, сопровождаемый толпою, к берегу моря.

§ 40. Испытание воды

Там, велев привязать к канатам стеклянный сосуд и к тонкой веревке серебряный колокольчик, король велел подвести найденную девушку. Она была мала и смугла, испуганно

озиралась и звалась Хадиджа. Родители, доктор и жрец клялись, что она – девственница. Александр сказал ей: «Держи этот канат; покуда ты чиста, – сосуд не потонет. Когда я позвоню, тащите веревки из воды». И, вошедши в яйцо, стал опускаться в пучину. Зеленоватый полусвет, видный сквозь светлые стекла, окружил царя; рыбы стрелою мчались с глубины навстречу Александру, и большие чудовища медленно перебирались с места на место под водорослями: царь зорко смотрел, как большие рыбы пожирали меньшие, чтобы самим быть уничтоженными чудовищами; как обломки кораблей опускались на дно, где утонувшие белели, обнявшись, или сжимая сокровища, или с искаженными мукой лицами. Зелеными, выпуклыми глазами смотрели через стекло на царя гады, подплывая близко, любопытствуя, к сосуду. Вдруг корабль подводного пловца стукнулся о коралловый грот, из которого выплыла женщина с зелеными тростниковыми косями и чешуйчатыми ногами. Лик ее был страшен и грозен; она делала запрещающие жесты руками, широко раскрывая уста, будто что-то крича, но ее вопли не доносились через стеклянную стену, и, когда король, оставив ее, стал опускаться дальше в темную глубину, он видел, как морская жена, заломив руки, исчезла в коралловом гроте. Внизу уже виделись чешуи Левиафана, как сильный толчок потряс стеклянный сосуд, который не мог подыматься. Наклонившись, Александр заметил маленького черного гада, вроде рака, который, вцепившись в гладкую стену, прилежно грыз стекло,

так что вода уже топкой струйкой пробивалась внутрь. Тогда Александр схватился за тонкую бечевку, и сосуд быстро стал подниматься с бледным королем, не смотревшим теперь уже на заблестевшие яркою зеленью пространства. Когда его подняли на берег, луна стояла в зените, освещая два трупа. девушки Хадиджи и высокого солдата. Александр подошел и узнал, что когда все, утомясь бдением, заснули, девушка отдалась первому подошедшему и выпустила царский канат. Тогда приближенные короля убили преступников. «Сколько времени пробыл я на дне?» – «Два часа, государь». – «Два часа не продержалась крепость единственной чистой девушки», – сказал царь в раздумьи и в сопровождении толп при трубных звуках направился в столицу. «Слава Александру, покорившему стихии!» – восклицала толпа, жрецы качали дымящиеся кадила навстречу царю, смертельно бледному под зенитной луною.

Конец третьей книги

Книга четвертая

Глава первая

§ 41. Спасение Кандавля

В стан Александра, возвращавшегося домой, ночью приискало несколько всадников в разорванных одеждах, запыленных и окровавленных. Так как король почивал, забывшись легкой и редко приходящей к нему дремотой, то пришедших принял вельможа Александров – Птоломей. Одетый в более богатую одежду юноша объяснил, что он – Кандавл, сын славной царицы Кандакии, что он отправился с женою на летние таинства, в пути на их караван напал отряд разбойников и, забравши его жену, часть слуг и имущество, бросил его, раненого, в пустыне. Выслушав, Птоломей направился к уже пробудившемуся царю, который условился, чтобы в присутствии пришельцев, его, Александра, называли Антигоном, царем же – Птоломея. Ночью созвали совет при факелах, и Александр горячо убеждал мнимого царя помочь Кандавлу, тотчас напасть на лагерь разбойников и вернуть похищенную принцессу. Опечаленный юноша бросился к нему

на шею, воскликнув: «О, если б был ты не Антигон, а Александр!» Немного усилий стоило разбить шайку разбойников и освободить пленных, но радостному Кандавлу казалось это необычным подвигом, так как благодарность заставляет преувеличивать оказанное благодеяние. Он умолял Птолемея и своего заступника Антигона посетить дивную столицу матери своей, Кандакии, далеко славившуюся своими чудесами. Александр охотно согласился не только из любопытства, но и из признательности к царице, пославшей еще раньше ему в дар золото, слоновую кость, черное дерево, жемчуги, изумрудный венец, звериные шкуры, ручных зверей и эфиопских рабов. Через два дня пути они заметили среди равнины прямые холмы, покрытые лесом, – то были висячие сады эфиопской царицы.

§ 42. Кандакия

Их встретила царица Кандакия с сыновьями, предупрежденная через гонцов. Она была высока и дородна, схожа с Олимпиадой; большие глаза ее сияли важно и царственно; узкая белая одежда стесняла ее шаги и делала еще заметней смуглый цвет ее лица и рук. Рабыни несли за ней опахала, а негры вели белого слона с серебряной беседкой на спине. Царица бросилась к сыну, но тот, отступив, молвил: «Целуй сначала, мать, освободителя моего», указывая на Александра. Кандакия, облобызавшись, сказала: «Давно

жаждала видеть тебя, славный царь». «Я не царь, я – Антигон. Александр следует дальше», – сказал король, кивая на Птолемея в пышной короне. Улыбнувшись, царица склонилась перед вельможей. Устроив торжественный пир, Кандакия повела гостей осматривать город, золотые яблоки, орехи величиною с дыню, петухов, на которых верхом ездили воины, пантер, чья кость режет стекла, крокодилов, мочою сжигающих дерево, одноглазых людей, великанов и злое племя ехидн. Самка ехидны обладает скважиною не шире игольного уха, так что, только съедая мужнино лоно, может зачать. Дети выходят на свет, прогрызая утробу, с рождения убийцами отца и матери, выходят всегда попарно – брат и сестра. Дрозды, белые, бурые и черные медведи удивляли греков. Ночью на пиру Кандакия спросила: «Ну, как вам, милые гости, понравились мои чудеса?» Александр сказал: «Будь это все у греков, все удивлялись бы». Царица, нахмурившись, обратилась к Птолемею: «А ты, царь, что скажешь?» – «Поистине, мню себя в стране чудес!» – воскликнул смущенный грек. Тут вышли эфиопские девушки и стали танцевать на большом круглом зеркале, прежде покрытом ковром, и казалось, оне несутся и кружатся по прозрачному пруду. Царица снова спросила: «А как вам нравятся мои плясуньи?» Александр опять предупредил Птолемея в ответе, сказав: «Поистине, мню себя в стране головней! Зачем так жестоко обжигает солнце твоих подданных, что они походят на угли?» Кандакия ничего не промолвила, а по оконча-

нии пира, взяв царя за руку и приведя к себе в опочивальню, сказала: «Теперь я покажу тебе нечто, что и тебя удивит, ничему не удивляющийся Антигон!» – и подала ему кусок холста, где нежными красками было изображено лицо Александра. Царь молчал, а царица продолжала: «Что скажешь, великий царь? Зачем ты, скрываясь, пришел ко мне, так что я не могла даже встретить тебя, как должно?» – «Прости, царица, мой невинный обман и не выдавай!» Кандакия, усмехнувшись, ответила: «Я-то тебя не выдам, но и ты подчинись обычаю моей земли, никакой еще царь не уходил от меня, не сделавшись моим супругом!» – «Как, царица?» – воскликнул гость, но женщина обвила его шею руками и целовала в уста, шепча нежные слова страсти, и расплела длинные черные косы, сняла свою узкую белую одежду, и, нагая, теснила царя до того, что тот воскликнул, хватаясь за меч: «Оставь, безрассудная, Александра ли думаешь ты погубить?!» Откинувшись назад смуглым станом, царица сквозь смех сказала: «Александр, Александр! против жены меч обнажил!» В эту минуту двери с треском открылись и, опьяненные, ворвались Птоломей, за ним старший царевич Фoa, которого преследовал брат его, Кандавл, с длинною пикой. Птоломей, бросившись к Александру, взывал: «Царь, спаси, спаси. Этот безумный ищет убить меня!» Фoa, остановившись, прокричал: «Так вот он, убийца тестя моего, славного Пора! Вот македонская собака!» – и ринулся на царя, меж тем как пика Кандавла, вонзившись в спину брата, насмерть сразила

неистового Фoa, мужа Поровой дочери. Александр безмолвно взирал на братоубийство, а нагая царица, поздно бросившись между сражавшихся, напрасно испускала пронзительные крики. Еле живой Птоломей, все еще будто ища защиты, лежал у ног царя. Видя Кандакию нагой и простоволосой, Кандавл воскликнул: «Матушка, что с тобою?» – косясь на Александра. Царица, подняв руки к небу, громко сказала: «Воистину, целомудрен царь Александр!» Наутро, прощаясь с гостями, щедро одаренными, Кандакия молвила: «Я шутила, ты понял? Не верила молве, что ты недоступен любви». Александр, улыбнувшись, ответил: «Я и думал, что ты меня только испытываешь, я тоже шутил» – и тронул повод коня.

Глава вторая

§ 43. Амазонки

Царь Александр снова пошел в пустыню, думая направ­ляться к Вавилону. Вскоре пришли они к большой реке, где жили воинственные девы амазонки. Царь, давно слыша о их доблестях, послал Птолемея просить у них воинский отряд и узнать их обычаи. Через некоторое время с вернувшимся Птолемеем пришла сотня высоких мужеподобных женщин, с выжженными правыми грудями, короткими волосами, в мужской обуви и вооруженных пиками, стрелами и пращами. Говорили они грубыми, хриплыми голосами и пахли коз­линым потом. Рассказали они следующее: «Живем мы, царь, по ту сторону реки, одни девы, управляемы старшей деви­цей; пасем стада, обрабатываем волну и сражаемся одни без мужчин; никому не подвластны; каждый год ходим за реку на праздник Дия Гефеста и Посейдона; которая из нас хочет сделаться матерью, остается здесь с избранным ею мужем, пока не родит; потом возвращается домой; мужа она вольна не помнить или через год снова вернуться к тому же. Рож­денного мальчика возвращает отцу, девочку же, по истече­нии семи лет, переправляют на женскую сторону реки. На битву отправляются две трети всех дев; остальные же кара-

улят страну. Если пленный от нас бежит, позор ложится на всех амазонок. Царица тебя целует и шлет нас помогать тебе в брани».

Царь много еще расспрашивал, немало дивясь их ответам, и, отослав подарки в страну, двинулся дальше.

§ 44. Горгона. Лусово пристанище

Александр теперь посылал вперед разведчиков узнать, не железная ли земля впереди, памятуя предсказание Антифонта. Пройдя реки сладкие и каменные потоки, что вместо воды стремят с грохотом камни, песчаные ручьи, три дня текущие к югу, три дня – на север, пришли к острову, откуда восходит солнце. Жрец-эфиоп в белой одежде вышел с черным посохом выше своего роста и, протянув смуглую руку к царю, воскликнул: «Царь, ты должен вернуться! Сюда еще никто не доходил, – ты первый и ты последний. Спешь в Вавилон, время близко; путь тебе через Лусово пристанище и новую область мрака». Двери закрылись, а царь, поклонившись солнечному храму из блистающих нестерпимо камней, велел повернуть своим воинам. Вскоре они дошли до мгlistой страны; жители скрывались в землянках, закрытых ветками елей, боясь блуждавшей в пустыне и всех губившей девы Горгоны. Она имела конский хвост и змей вместо волос; всех звала на похоть: гадов, зверей и людей – и всех умерщвляла одним своим видом. В полночь Алек-

сандр был разбужен зычным, но полным неги и страсти воплем. Выйдя из палатки в темное поле, царь услышал второй и третий раз чудесный призыв: будто все прошлые и грядущие любовницы слили в один этот голос обещания неведомых ласк и сладкие угрозы; как вой тигрицы, ищущей далекого самца, разносился клич по темным пространствам: «Александр, Александр, тебя одного жажду я, приди, утоли меня! Царь бесстрашный!..» Александр послал волхва с покрывалом навстречу неистойой деве. Услышав ту близкую, он произнес, приближаясь пятками вперед: «Я – Александр! Закрой твой лик покрывалом, чтобы мне не погибнуть». И когда, молча, тяжело дыша, дева схватила его руками за плечи, он, быстро повернувшись, отрубил ей голову и спрятал в приготовленный сосуд. Тогда, не оборачиваясь на лежавшую громаду туловища, он бросился бежать к лагерю с добычей. Наводя этой головою ужас, обращавший в камень, победил царь многие племена пустыни, а нечистых царей, Гогу и Магогу, питавшихся червяками и мухами, загнал в рассеявшиеся скалы и до скончания мира запечатал Соломоновою печатью. И дальше шли, не зная дороги, изнемогая от усталости и голода; разведчики впереди, – нет ли железной земли. Однажды царь почувствовал смертельный холод и последнее дыхание; солдаты положили свои щиты на болото, по которому они шли, чтобы царь мог лечь, а сверху шел густой снег. Очнувшись, король спросил с тревогой: «Не костяное ли небо над нами?» – но к утру силы, вернувшись, позволи-

ли дальше стремить ему неведомый путь. Через болота, темные леса, высокие, в темное небо уходящие горы, мглу и туманы – шли они, мимоходом покоряя безропотные народы. Царь хранил молчание все дни, ночи проводя в наблюдении еле видных звезд, и каждое утро все сумрачнее встречал он верных друзей и роптавших солдат. Так пришли они в Лусово пристанище, указанное им еще в солнечном городе. Пока обрадованные близостью к окончанию пути воины грелись у костров, вспомнив прежние шутки, Александр один направился к храму, не взирая на встречные диковины. Все было пусто и безмолвно. Пройдя ряд покоев, один другого чудеснее, царь вступил в святилище, где висели лампы с рубинами вместо огней и посреди высоко золоченая клетка с голубем. Посредине высился одр, на котором, весь в повязках, лежал муж, ростом превышавший длину смертных; лицо было скрыто покрывалом. Безмолвие царило в покое; царь долго стоял молча, смущенный неясным страхом. Наконец он хотел взять одну из рубиновых лампад, чтобы посмотреть спящего, но с купола голубь человеческим голосом пропел: «Оставь, царь Александр, в покое покойных и спеши в Вавилон: время близко!» Выйдя из храма, Александр подошел к костру, где шутили солдаты старые шутки, смеясь и хлопая по плечу один другого. К темному небу взлетали искры и дым, а латы, сложенные кучей, блестели, мерцая.

Глава третья

§ 45. Смерть Александра

Меж тем в далекой Македонии происходили неурюстройства и смуты; Антипатр, оставленный царем вместо себя, притеснял старую королеву Олимпиаду, в ответ на неоднократные жалобы которой Александр послал Картерика сменить прежнего правителя. Тогда уязвленный Антипатр послал со своим сыном яд, который мог выдержать только свинцовый сосуд, но не медный, не глиняный, не стеклянный, к царскому кравчому Илу, давно затаившему в себе злобу на Александра, раз как-то на пиру ударившего его жезлом по голове. К ним присоединились еще некоторые недовольные царем и родственники царицы Роксаны. Таким образом, к прибытию царя в Вавилон заговор уже готов был его погубить. Царица радостно встретила короля, сумрачного и молчаливого, который предался снова пирам с друзьями, отложив на время дела правления, и чтению грозного звездного неба. Однажды, когда полднем Александр почивал, утомленный, его разбудили докладом, что его спрашивает какая-то женщина. Царю она сказала, что у нее родился странный ребенок, верхняя половина которого была мертвою, нижняя же — со всеми признаками жизни, и чудный голос велел прине-

сти уродца во дворец. Александр, полный предчувствий, с ужасом взирал на младенческий труп с шевелящимися красными ножками. Мудрецы объяснили, что верхняя часть – враги Александра, нижняя же – он сам, но халдеянин, разорвав одежды, воскликнул: «Царь! царь! смерть твоя близка!» Одарив женщину, Александр велел уродца сжечь, а сам отправился на пир к некоему македонянину, не разлучаясь со своим кравчим, индийским отроком Илом. Пир был в полном разгаре, как вдруг царь вскрикнул, будто пронзенный стрелой: «Вот время, Александр!!» – и, бледный, шатаясь, удалился в свой дворец. Напрасно врачи старались извлечь яд рвотными средствами, боли царя были так нестерпимы, что не раз он пытался выброситься в Евфрат, шумевший под окнами высокого терема. Македонцы, окружив дворец, грозились разрушить стены и перебить всю стражу, если им не покажут царя. И Александр, поддерживаемый царицею Роксаной, показался в окне; все восклицали: «Слава царю Александру, живи вовек!» Улыбка скользнула по помертвелым губам царя, и он крикнул прежним звонким голосом: «Живите вы вовек, а мой час пробил!» На следующее утро царь призвал Пердику, Птолемея, Лизимаха, чтобы сказать им последнюю волю. Потом велел себя вынести в проходной переход и пропустить мимо себя все войско, каждому солдату говоря приветствия. И поседелые ветераны плакали, видя царя простертым на походных щитах, бледным и ласковым. Друзья, закрыв лица плащами, стояли поодаль. Алек-

сандр, вскинув глаза на потолок из слоновой кости, вымолвил: «Небо, небо костяное!» – и продолжал приветствовать проходивших воинов. В воздухе нависла густая мгла и на небе днем взошла необыкновенной величины звезда, быстро идущая к морю, сопровождаемая орлом, а кумиры в храме медленно со звоном колебались. Потом звезда снова пошла в обратный путь от моря и встала, горя, над покоем царя. В то же мгновение Александр умер. Тело царя отправили, после долгих споров, в Александрию Египетскую, где его поместили в святилище, называемое «Тело Александрово». Царство он разделил между Филоном, Селевком, Антиохом и Птолемеем. Умер на тридцать третьем году жизни, в апрельское наводнение, основав двенадцать Александрии и оставив немеркнущую славу во всех племенах и веках.

Конец

1906